

ГЕРМАН МИХАЙЛОВ

A man in a dark hoodie sits on a grassy field, looking towards a futuristic city skyline at night. The city lights are reflected in a body of water in the foreground. The scene is framed by several glowing blue arcs that create a tunnel-like effect. The sky is dark with some stars and a large planet or moon in the upper corners.

ГЛОТОК СВЕЖЕГО
ВАКУУМА

Герман Михайлов

Глоток свежего вакуума

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72052570

SelfPub; 2025

Аннотация

«Глоток свежего вакуума» – сколь поэтична эта фраза, столь же поэтично я попытался представить сложнейшие концепты философии и квантовой механики, облечённые в художественную форму. Это не просто рассказ, а попытка создать собственную метафизику – спекулятивную, но не противоречащую науке.

Передача информации быстрее света, первичность идеи над материей, коллапс вселенной в истинный вакуум – всё это становится фоном для истории, способной заставить задуматься о том, что давно утрачено в нашем мире. А в мире будущего, где победил цифровой комфорт, – тем более.

Завершена ли эта история? Или она только начинается? Ответ остаётся за читателем.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Герман Михайлов

Глоток свежего вакуума

*«Иной раз человек не может родиться, не умерев
сначала.»*

Фридрих Ницше

Пролог

«Нам надо торопиться» – его слова звучали тревожно, однако он не собирался объяснять, в чём же дело. Она стояла на балконе, её глаза выражали непонимание его спешки и тревоги.

За её спиной начался медленный стук дождя. Тяжелые, мрачные небеса возвышались над домом. Они будто собирались рухнуть на него и раздавить. Миллиарды капелек, будто собранных в нём для оплакивания этого мира. Их всё равно не хватит. Лишь ещё один дождливый день.

– Говорю же, быстрее уходим! – он схватил её за руку и потянул за собой. Холодные пальцы вцепились в неё, будто перчатка космонавта, вцепившегося в трос, чтобы не улететь в открытый космос.

– Куда ты меня тянешь? К чему такая спешка, что происходит? – в ответ было молчание и лишь нервное потягивание

за руку, торопившее обратиться куда подальше. – Я никуда не пойду, пока ты мне ничего не объяснишь! – она выдернула свою руку и посмотрела на него растерянным, даже испуганным взглядом. Она смотрела ему прямо в глаза.

– Я... – он не мог смотреть ей в глаза, его зрачки устремились вниз и начали бегать из стороны в сторону. – Там, на Плутоне, я узнал... нет, нет, мне передали... Я не знаю, как это объяснить. Нам нужно торопиться. По пути обратно я всё передал властям, так что всё уже готово, но мне нельзя было рассказывать... Нельзя было ни с кем больше связываться. Я не могу ничего объяснять, но мы улетаем. Через полчаса объявят массовую эвакуацию. Нужно успеть до начала хаоса.

– Эвакуацию? Куда? – он всё ещё смотрел вниз и не мог поднять взгляда. – Я поняла, поехали.

– Спасибо... Детей уже забрали, они на месте. За тобой я решил заехать лично. – он вновь взял её за руку и потянул за собой.

– Подожди! – вырвавшись, она подбежала к камину и взяла с него старого фарфорового котёнка, судя по трещинам, некогда склеенного из малых осколков. Таких было множество и его могла бы заменить любая копия. И лишь трещины рассказывали его историю, отличную от других копий. Она быстро вернулась и взяла его за руку. «Пошли.»

На улице шёл дождь. Из-за высокого содержания тяжелых молекул в воздухе, он, казалось, обжигал кожу. Вдали виднелась огромная башня, будто собиравшая в себе всю чело-

веческую природу. Желание возвыситься и перешагнуть все пределы. Башня, уходящая в небеса. Туда, где уже не летала ни одна птица. Кроме той единственной, последней птицы, что через час махнёт своим металлическим крылом возле неё в последний раз, оставляя Земле лишь тень своей мнимой свободы, уходящей в неизведанное будущее. К башне и лежал путь двух героев, ещё не принадлежавших этой истории. А может, и вовсе – не этой.

Перед домом стоял автомобиль. Раздался рёв старого дикого коня, вероятно, последнего в своём железном роде, направившего свой аллюр в сторону гигантской башни. Они молчали. Она не спрашивала его ничего больше. Он ехал с огромной скоростью, несмотря ни на светофоры, ни на ограничения. Погружение всегда происходит медленно. А когда приходит осознание, понимаешь, что не можешь держаться на плаву, ведь ты уже слишком глубоко. Радио транслировало звуки тяжелой гитары. Не перегруженной, тяжелой. Будто она подыгрывала падающему небу. «Open skies...» В один момент автомобиль начал съезжать с полосы и медленно тормозить. Посмотрев на него, она увидела, что его глаза закрыты. Его трясло. Раздался крик и автомобиль резко свернул в обратную сторону, врезавшись в отбойник на краю дороги. Она попыталась увести его от столкновения со встречным движением, схватив руль, но слишком сильно повернула его.

– Очнись! Что с тобой! – авария была лёгкой – помятое крыло и дверь – но ничего критически серьёзного. –

Проснись, пожалуйста.

Осколки котёнка лежали у её ног. В этот раз его вряд ли можно было собрать вновь. Бедный, явно переживший многое котёнок. Теперь он свободен. Она не обратила на это внимания. Отстегнувшись, она упала на грудь своего спутника и продолжала умолять его очнуться. Её ноги не замечали осколков и крошили их ещё больше. Небеса падали, слёзы спускались с них и приземлялись на крышу автомобиля, создавая симфонию случайных ударов, удивительным образом гармонировавших друг с другом. Гармония, словно капля дождя, падающая в океан, чтобы вернуться вновь наверх.

«Если я успею, то смогу сохранить хотя бы часть...»

Радио шептало. Ещё один дождливый день.

Глава 1

Несясь через абсолютно холодное ничто, крупинки – столь ничтожные, что даже самый совершенный микроскоп Земли не смог бы их уловить, несли с собой крайне ценный для одного человека, но, в целом, пока не столь важный для человечества груз по направлению к ещё безжизненной планете. Эти крупинки, эта пыль, наследие некогда умерших звёзд, двигались с такой скоростью, что человек не мог и вообразить, лишь выразить через абстрактную формулу. Момент их уединения, вдали от других таких же крупинок, был для них мгновенным, для людей он длился три целых и три десятых минуты, а для кого-то, возможно, это была целая вечность. Целая вечность и лишь мгновение путешествия в пустоте с далекими небольшими огоньками на горизонте. Эти огоньки иногда пролетали мимо, иногда даже очень близко, будто желая поздороваться и улетали со столь же бесконечной скоростью вдаль. Однако же это вечно-мгновенное путешествие подходило к концу, и эти крупинки приближались к чему-то столь гигантскому, что их даже в сравнение ставить было невозможно. Они подлетали к красной планете. И как будто в волнении немного замедлялись, всё больше входя в её атмосферу.

В пункте приёма этого ценного груза, уже ожидали более

крупные носители – сложные вещества, готовившиеся принять словно интуитивно решение, какое состояние им принять. Выбор не велик, и он всем известен- либо А, либо не А. Другого быть и не может. Правда или неправда. Истина или ложь. И вот, крупинки доставили груз, а вещества мгновенно, со скоростью завидной для любого человека, сделали решение о своём состоянии, в соответствии с этим грузом. Одни стали А, другие не А. С такой же скоростью, в зависимости от разных обстоятельств вроде температуры, они это решение с такой же скоростью меняли. Всё это было частью груза. Благодаря его доставке и столь молниеносной решимости веществ, всё мгновенно заработало: от мельчайших командных чипов до крупных механизмов,двигающих конечности.

Я открыл глаза и осмотрелся. Чип-сет в виске выдавал стандартный отчёт: «КОР-7 активен. МИП стабилен. Связь с Землёй: 5 минут 12 секунд задержки». Всё как обычно. очередное путешествие с одной планеты на другую для выполнения такой, казалось бы, обычной, ничем непримечательной работы: простой горнодобывающий труд, который это тело, думаю, могло бы выполнить спокойно и само, без траты энергии на перенос моего сознания. Я вышел из капсулы функциональной поддержки и пошёл сразу на планёрку.

Уже так знакомые узкие коридоры станции, изначально планировавшейся как будущий дом для настоящих жителей, однако позже модернизированной под место дислока-

ции суррогатов, уже давно не давили своими тёмно-синими стенами на меня. Я к ним привык и даже считал, возможно, не менее родными, чем стены коридора моего дома на Земле. Подходя к столовой, где и проводится планёрка перед завтраком, я заметил необычный шум внутри и быстрее двинулся внутрь. Обычно перед планёркой все не особо активны, всё же я один из первых пилотов суррогата, переносы сознания мне уже давно привычны, ведь я участвовал и в налаживании этой станции ещё до того, как вокруг неё были обустроенные шахты. А вот новичков перенос выматывал, многие не могли сначала совладать с телом суррогата, кто-то терял сознание, так что на планёрке, обычно было тихо. Поэтому, услышав некую суету, я быстро направился туда и тут меня окружила толпа людей. Не людей, конечно, суррогатов, но выглядели они практически как люди. Лишь адаптированные под нынешние условия.

Меня все стали поздравлять. Я не понимал, в чём дело, пока заведующий не начал планёрку, ровно в 6:00, по расписанию.

– Всем доброго утра! Вы, конечно же, кроме самого Давида, – он указал на меня, – знаете, что сегодня знаменательный день! Сегодня исторический момент. Момент перехода человечества от межпланетных путешествий и экспансии к межзвездной, галактической и даже вселенской экспансии. Момент технологического перехода от старых методов передачи информации, а то есть и переноса сознания, посред-

ством частиц, к технологии мгновенного переноса с помощью явления квантовой запутанности!

Если я спрошу своего напарника Костю, что он думает о феномене квантовой запутанности, он, скорее всего, ответит, что не имеет ни малейшего понятия, что значит «квантовый», а насчёт запутанности мнение у него одно – делай свою работу, живи по законам Ковчега и не будешь ни в чём путаться. Всё же квалифицированные инженеры и учёные нужны и на других планетах, а тут уже лишь обычные работы, образование толком и не требуется. Заведующий продолжал:

– Один из величайших дней в истории человечества и Вселенной, друзья мои! Наверное, второе знаменательное событие после создания Ковчега! Мы творим историю, и вы являетесь её частью. Давид был последним человеком, перенесённым старой технологией. Он же будет и первым, кого перенесут с помощью квантовой запутанности. Вдумайтесь! Никаких задержек связи с землёй, никакого ожидания окончания переноса от 3 до 20 минут и возможности каких-то помех. Теперь всё будет мгновенно! Это результат в том числе и вашей работы по добыче ресурсов. Без нужного количества энергии мы бы не смогли этого добиться. Добывая уран, вы двигаете человечество в будущее! – он закончил и все зааплодировали. Лично я был не в курсе такой чести. Но ладно, может моё имя впишут в историю и на Ковчеге после смерти я буду героем. Часть людей, стоя возле меня, повернулась

и ко мне и продолжила аплодировать с восторженными возгласами. Меня же эта новость не обрадовала, и не огорчила, это просто факт, ещё один день работы и её особенности.

После окончания оваций, толпа выстроилась в очередь за едой. Не сказать, что суррогатам сильно нужно было есть. Могли бы вносить нужные масла, топливо и другие жидкости в искусственное тело и в капсуле функциональной поддержки. Подзарядка ведь происходила там. Думаю, трапезы оставили как часть рабочей культуры, и чтобы нам было привычнее в этих телах. Кто-то в них жил и не переносился в настоящее тело неделями, а то и годами. так что им для сохранения их психики нужны были эти ритуалы. И я был таким, когда оказался здесь в самом начале. Будучи главным инженером тринадцатой горнодобывающей станции Марса, мне приходилось оставаться здесь месяцами. Во время сна, то есть подзарядки, можно было и переместиться на Землю в родное тело, одного тогда у меня ещё не было достаточно денег, да и рейтинг растёт от длительного пребывания на рабочем месте. Вот тогда я на себя прочувствовал, что значит быть человеком в теле робота. Тогда об этом ещё никто не думал, эта технология применялась всего несколько лет и крайне ограничено, большинство суррогатов управлялось дистанционно. Профсоюз... тогда они ещё были... смог добиться внедрение в суррогатов и в рабочий график «человеческих» аспектов для сохранения стабильности психики рабочих. И вот результат: я в суррогате стою в очереди за едой.

– Эй, Дэвид! – а вот и Костя, он любил произносить моё имя на английский лад, хоть английского он и не знал, – Поздравляю! Какого тебе быть последним и первым? – тут чувствовалось немного иронии.

– Да никак. Обычное дело. Знаешь, через сколько новых технологий я прошёл за последнюю сотню лет? Ничего особенного в этом нет.

– Ну, знаешь ли! управляющий сказал, что это прорыв, важнее которого лишь сам Ковчег!

– Я такое уже ни раз слышал. Ты лучше скажи, что ты сегодня возьмёшь? Я вот не могу выбрать.

– Однозначно хочу пиццу. И какую-нибудь газировку!

– Не боишься потолстеть? – я сказал это с небольшой дружеской издёвкой.

– Очень смешно! Если дома приходится следить за рационом, чтобы тело дольше продержалось, то хоть здесь наслажусь вкусной едой. Этому-то телу всё равно. – ответ прозвучал даже немного с обидой.

– Ты ведь понимаешь, что здесь вся еда одинаковая, лишь выглядит по-разному? – со стороны подошёл ещё один мой коллега, Григорий, – А вкус формируется лишь сигналами в твоей голове.

– Да нет мне дела до того, как всё работает. – Костя с недовольством буркнул, – Выглядит как пицца, пахнет как пицца, на вкус как пицца. Значит, это пицца. Это ты любишь размышлять о чём-то абстрактном. Только вот, как видишь,

ныне мыслители никому не нужны, так что и ты, и я стоим в одной очереди за завтраком и затем пойдём вместе работать, чтобы накопить денег и увеличить рейтинг. Так что нет разницы, о чём ты там думаешь.

– И то верно. – Григорий решил не спорить, – Тогда я возьму тоже пиццу. Хотелось бы попробовать истинную неаполитанскую.

– А что такое неаполитанская? – спросил я.

– Говорят, что пицца появилась в Неаполе, и что там она самая вкусная! – он ответил с восхищенным и ненадолго посмотрел поднял голову и прикрыл глаза, будто представляя.

– Ты её уже пробовал? И что такое Неаполь? Никогда не слышал. – Костя вставил свои пять копеек в этот возвышенно-обыденный разговор.

– Нет, не пробовал, как и никто из ныне живущих. Может, кто-то на Ковчеге пробовал. Обязательно спрошу, когда там окажусь, – снова несколько возвышено, но с тенью грусти сказал Григорий.

– Так, а Неаполь-то что такое? – Костя не переставал интересоваться.

– Это древний город. Сейчас ты его не найдёшь, конечно же, но в своё время он был достаточно крупным. Однако его постигла та же участь, что и ранее его соседа.

– Какого соседа? – всё никак не угоманивался Костя.

– О Ковчеже, ты что, никогда не слышал о Помпеях? – Григорий, видимо, начинал уставать от таких вопросов.

– Нет, я ведь не учился в школе, в отличии от тебя! – Григорий ответил и отвернулся в сторону очереди, мы постепенно продвигались к точкам раздачи еды.

Я посмотрел на людей передо мной. Они подходили к терминалу, нажимали нужную кнопку, им сразу же выдавалась тарелка с выбранной едой на подносе, и они проходили дальше. В следующем терминале они выбирали напиток, который точно так же мгновенно выдавался и сам ставился им на поднос. Они проходили дальше. Я приближался к терминалу, и голограмма над ним с лозунгом «Ковчег – ваш персональный рай» и припиской снизу «Трудись сейчас, чтобы отдыхать потом» становилась всё больше. Иногда мне казалось, что искусственный интеллект, создающий такие лозунги, не до конца понимает мышление современных людей. В него загружено множество информации самой разной давности, и он не понимает, что люди сейчас толком не знают, что такое рай. Что это вообще? Какое-то хорошее место, вроде.

На терминале было три кнопки: «бургер», «пицца», «картошка фри». Мне захотелось сегодня бургер с картошкой. Так что их я и выбрал. Сразу же списалось 560 ипостасей. Дороговато выходит. Я взял выехавший из терминала поднос и подошёл к следующему терминалу, на котором выбрал тархун, ещё минус 200 ипостасей. В зале, как обычно, места было мало, однако мне сразу уступили половину стола у входа. Видимо, хотели таким образом поздравить. Я поблагодарил и занял три места. Двое моих коллег, взявшие пиццу с

колой, сели на занятые мной места.

– Цены нынче растут. – пожаловался я.

– Конечно, корпорация хочет побольше заработать. Мы платим за обслуживание их же роботов, отличный ход! – сказав это, Григорий раскрыл рот и засунул в него кусок пиццы, – Ай, горячая!

– А ты чего торопишься? Наслаждайся вкусом! – ехидно улыбнувшись, заметил Костя.

– Каким ещё вкусом? Почему она вообще может быть слишком горячей, если вкус искусственный? Ничего нормально сделать не могут, ещё и нас за это платить заставляют! – Григорий начал возмущаться, он любит это делать, особенно если ему кажется, что где-то его обманывают. А это ему кажется постоянно. – Кстати, Давид, не собираешься после сегодняшнего перемещения завязывать? Всё-таки столько лет работаешь, а всё каждую ипостась бережёшь. Ты же их уже столько накопил, да и рейтинг у тебя крайне высокий. Может отдохнуть чуток, а потом место козырное на ковчеге получить, и прибывать наконец вечно в блаженстве.

– Да не знаю я. Накопил и вправду много, но я ничего кроме работы этой и не знаю. Перевестись на другую планету, на новые станции и проекты – с удовольствием, а уходить я пока не хочу. Может, когда тело износится. – я ответил весьма уставши, слишком часто мне задают такие вопросы. Григорий это понял и не стал продолжать. А вот Костя нет.

– Так сколько у тебя уже твоё тело? Не понимаю тебя. Я

вот не могу позволить себе новое тело, но и изначально никак модернизировать не буду. Так что как тело изнашивается – всё, в Ковчег, какое бы место я там ни получил. И буду рад. А ты всё тело модернизируешь и модернизируешь. Обычно люди это делают, чтобы побольше накопить, да рейтинг улучшить, дабы Ковчежное место посолиднее было. А ты так этого уже давно достиг, выше ты уже вряд ли поднимешься. А ведь потом всё равно новое тело возьмёшь, помяни моё слово! – жадно уплетая пиццу сколь чавканье произнёс он.

– Я себе тоже новое тело брать не буду. – Григорий всё же решил вставить и своё слово. – То, сколько оно стоит, лучше вложить в место в Ковчеге, полезней будет.

– Я не стремлюсь в Ковчег, мне просто нравится моя работа. – отрезал я и тема закончилась. – Вы вечером чем занимаетесь?

– Я свободен для предложений. – улыбнулся Григорий.

– А я здесь останусь, денег на перенос жалко как-то. – ответил Костя.

– Тогда предлагаю сходить вечером в «Пожизние». А ты, Костя, прекрати тратиться на ерунду, тогда и деньги появятся.

Григорий согласился, а Костя, мне кажется, немного обиделся. Я продолжил есть свой бургер, остаток завтрака мы провели в молчании. В конце Костя спросил:

– А что это вообще за технология такая?

– Она основана на суперпозиции частиц. Это как кот Шрё-

дингера. Он может быть одновременно и жив, и мёртв, пока мы не проверим. Пока информация изолирована от внешнего мира, она может быть какой угодно, всё возможно. Мы не можем этого знать. Это суперпозиция. Одновременно и А, и не А. Точнее, одновременно ни А и ни не А. То есть и 0, и 1. За счёт этого можно производить огромное количество вычислений параллельно. Но как только мы измеряем, 0 это или 1, тогда суперпозиция пропадает и рандомно, мы никак не можем на это повлиять, частица принимает значение 0 или 1, грубо говоря. – я постарался доходчиво рассказать общие вещи, ведь детали я и сам не понимал.

– Ничего не понял, ну да ладно... – Костя непринужденно продолжил есть.

«Вот только передавать информацию так, вроде, невозможно...» – про себя добавил я.

Глава 2

Марс – планета вечных песков. Мощнейшие ветра, песчаные бури, которые сносят с ног и даже могут унести в неизвестном направлении. Но какие же здесь закаты. Такой палитры цвета на Земле ни увидишь нигде. Здесь очень большое содержание пыли в воздухе, она рассеивает свет в красной части спектра. Медно-оранжевое дневное небо, голубые закаты и рассветы. А ночное небо здесь столь красиво и необыкновенно, столь фантастично, что в первую ночь я чуть не опоздал на подзарядку, забыв, что у суррогата, в отличие от настоящего биологического тела, очень мало резервных мощностей, и, если не пойти вовремя «спать», можно уснуть окончательно. Если на Земле мы привыкли видеть тёмное небо и местами звезды, и лишь в некоторые месяцы видна часть нашей галактики... как она тогда сказала? Словно кто-то, открывая кокос, переусердствовал и из него вылился весь сок на камни. Кокосово-молочный путь, да?.. именно, он делает часть неба похожей на разлитое кокосовое молоко. На Марсе всё иначе. Здесь проблески пустынного неба видны изредка. Чувство, будто находишься под широченной кроной огромного дерева, среди листвы которого иногда виднеется голубое небо. И молоко не такое белое, оно то зеленое, то коричневое, то желтое. Чувство, будто каждая звезда сейчас упадёт, и эта массивная крона рухнет на тебя.

И среди этой кроны выделяются самые яркие, самые красивые звёзды. В просветах комического неба виднеются дальние галактики самых разных цветов, фиолетово-розовые облака завораживают не меньше ярчайших звёзд. Такой вид возможен из-за особенностей атмосферы. Атмосферное давление здесь в 160 раз меньше земного, атмосфера состоит почти полностью из углекислого газа, являющимся аналогом кислорода для суррогатов, только он их не отравляет, в отличие от кислорода, и никакие митохондрии не нужны. Водяной пар практически отсутствует, поэтому лучи света почти не рассеиваются. Ну и из не самого приятного: озоновый слой просто отсутствует, а значит радиации не фильтрует. Мне хотелось бы наблюдать за этим небом с Олимпа, стоять на самой высокой горе в солнечной системе и наблюдать за великой кроной небес, рушащейся на меня. Вместо этого я стою посреди кратеров. И в данный момент участвую в создании очередного, будто их этой планете не хватает.

Бурение- вещь интересная. Я как главный инженер этой станции вношу вклад в создание рельефа этой планеты. Наблюдая за работой буровых установок, стоящих на шести шестах и приводимые в движение насосами, я каждый раз поражался, как мы, человечество, дошли до такого. Искусственный интеллект управлял бурами и выполнял в точности то, что я ему говорил. Я будто архитектор нового Марса. Через тысячелетия люди будут наблюдать эти кратеры и может быть даже не понимать, что их на этой безжизненной плане-

те могли создать живые существа.

Будь здесь птицы, несущие вести из прошлого в будущее, или из будущего в прошлое, кто их знает, они бы летели над бескрайними пустынями, давясь песком и наблюдая гигантские дюны, иногда проваливающиеся на километры. Они бы несли эти вести тем, кто был здесь до нас. Тем, кто больше не может любоваться местными закатами и ночным небом. Они бы рассказывали о неожиданно появившихся гигантских механических пауках, роющих новые кратеры с поразительной скоростью. Птицы бы любили летать между ними, показывая друг другу своё мастерство полёта, пролетали бы между лапками, мимо бура, затем пикировали, резко тормозили и садились на насосы, приводящие всю эту конструкцию в движение. А затем бы резко улетали, как только лапы начинали бы дрожать от бурения. А их слушатели бы им не верили. Не бывает таких гигантских пауков, которые могут создавать кратеры. Птицы бы рассказывали и о похожих на их слушателей, может немного отличавшихся, птичий глаз не сильно разбирается в разных формах гуманоидов, созданиях, гуляющих между этими пауками. А все бы им всё равно не верили. Но здесь нет птиц. Сейчас здесь мы. И закатами любоваться теперь тоже только нам. Тем, кому уже некому рассказывать сказки о стальных пауках.

Костя в это же время заведовал строительством пирамид-складов. Тот грунт, который выкапывался для строительства кратера, использовался для строительства складов

для добываемых ископаемых, в основном – урана. Реголит достаточно мелкий и пылеобразный, так что для формирования блоков применяется технология спекания: промышленные лазеры спекают его до твёрдого состояния в формах нужного размера. Так как на Марсе с водой всё не очень хорошо, эта технология является оптимальной, ведь требует только энергию, которую мы как раз и добываем. Мы добываем энергию, чтобы добывать ещё больше энергии. Пирамиды же являются идеально подходящими для склада, так как являются очень прочными предельно устойчивыми к ветрам. Земные дома здесь бы просто снесло ветром.

– Грунт на этой планете, конечно, ужасен. – ко мне подошёл Григорий, он был геологом и отвечал за поиск новых месторождений. Проверка грунта также входила в его задачи. – Чертов реголит! Будучи статически заряженным, он слишком охотно налипает на любую технику, даже на суррогатов. Хуже земной пыли, ей ковчегу! Да и из-за солей перхлоратов он подавляет любую микробную жизнь, какая здесь может быть колония когда-либо?

– Вот тебе и твои Помпеи, Григорий. Ты находишься на их руинах и дышишь пеплом мертвой цивилизации. – я всё продолжал пребывать в своих размышлениях и сказал это вслух, хотя, возможно, и не стоило.

Григорий лишь приподнял правый уголок губ, на его лбу проступили небольшие складки над переносицей и взглядом он упёрся в некую точку внизу перед собой, хотя он смотрел,

скорее, в никуда. Конечно, лицо суррогата не могло так точно передавать эмоции. Однако картинка перед поступлением в наше сознание обрабатывалась нейросетью, чтобы мы казались друг другу человечнее. Даже движения конечной становились в наших глазах плавнее. Всё ради сохранения нашего психического здоровья. Корпорация заботится о нашей психике.

– Сравнил, блин, Марс с Неаполем! Здесь ни людей, ни пиццы!

– А ты долго думал над ответом.

– Слишком достойная была у тебя фраза. Даже не ожидал от тебя. – эта фраза звучала даже как-то серьёзно по сравнению с предыдущей насмешливой.

Я оставил Григория и пошёл осматривать роторные буры и настраивать их. Оставил я его, видимо, в размышлениях.

6:45 Я залез на первый бур, подключился к нему через порт и скачал все данные. Давление в насосах в норме, сообщений об ошибках не поступало. Температура норма, все системы стабильны, системы стабилизации и дамп-ядро для гашения вибрации и нивелирования её воздействия на остальные системы в строю. Загружаю программу на день: в секторе А4 бурение на 32 метра. Скорость бурения, учитывая рыхлый слой, 270 оборотов в минуту, после 25 метров снижение до 230 и затем каждый метр снижение на 10. Скорость подачи 270 мм/ мин и резкое снижение в конце. Уголь бурения – 90 градусов. предельная температура – 150 градусов

Цельсия.

В течение следующего часа я проверил все 12 буров и задал им на сегодня параметры работы.

9:45 Проверка конвейеров, транспортирующих вычерпанный бурами реголит к спекательной установке.

10:00 Поход к Константину, контроль качества спекаемых блоков.

10:30 Сопровождение бурения. один из буров встал на полпути. пришлось отправлять ремонтный дрон. Вся наша станция воссоздана в виртуальном пространстве миллиметр в миллиметр, и на всей аппаратуре, на каждой детали, способной потенциально сломаться, установлены датчики, передающие информацию в эту воссозданную модель. Эта технология называется общее поле вещей. Так как моё сознание тоже к нему подключено, я вижу всё и не ходя к оборудованию и не залезая в буры. Но я всё же обычно предпочитаю убеждаться лично. Дрон принёс нужную деталь и самостоятельно её заменил. Дроном, как и бурами управлял искусственный интеллект.

12:00 Перерыв. Можно выпить и кружечку кофейку.

Я отошёл к кофе-машине. На ней, конечно, так было написано, но по факту это было лишь моторное масло. Но имитаторы вкусовых рецепторов хорошо справлялись, и это масло на вкус было очень даже неплохим кофе. Я пил его и смотрел за полем своей художественной деятельности. Тут мне кто-то положил руку на плечо.

– Давид, я буду вынужден отвлечь Вас во второй половине дня, от вашей работы. – Я повернулся, передо мной стоял заведующий, – Нужно немного поработать над суррогатом и подготовить его и ваше сознание к сегодняшнему перемещению. Будьте добры, как допьёте кофе, настройте буры и всю аппаратуру на самостоятельную работу в безопасном режиме и проинструктируйте Константина.

– Вас понял. – мой ответ был уже отрепетирован до идеала, его тон, громкость, такт, так что он вырывался автоматически. Возможно, я даже осознавал сказанное позже, чем давал этот безупречный ответ.

Я допил кофе и только сейчас меня начали посещать мысли, что я буду первопроходцем. Я инженер, так что я изучал различные технологии и явления, в том числе и квантовую запутанность. Суперпозиция всегда казалась мне понятием абстрактным и даже немного абсурдным. Есть либо А, либо не А. Что это за суперА? Если она примет не тот спин, хоть практически этого никогда и не происходило? Впрочем, я не физик, а инженер. Я не так глубоко погружён в подобные детали. Если эту технологию допустили к использованию и после меня собираются её массово внедрять, значит она безопасно. Корпорация заботится о своих сотрудниках.

Дойдя до Григория, я объяснил ему, что сегодня он за главного, а я же ушёл готовиться к перемещению. Настроив все буры на безопасный режим, я пошёл в ремонтный цех, где обычно подобные манипуляции и проходили.

– Добрый день, Филипп Филиппович. – постучавшись сказал я, заходя к механику.

– Я Вас как раз жду. пожалуйста, укладывайтесь на стол, я сейчас подключу Вас через порт к системе. – ответил Филипп Филиппович.

– А что Вы будете именно делать, если имею право знать. – я, признаюсь честно, начал немного переживать.

– Не переживайте. С вами практически ничего. Передатчик будет квантовым. А значит нам нужен детранслятор с обычного кода на квантовый. То есть я допишу Вам немного модуль преобразования исходного кода, и настрою под него ваш личный квантовый детранслятор.

– Детранслятор? Что это?

– Простите – простите. Информация о вашем сознании изначально преобразуется в код. ретранслятор преобразует её обратно и затем переписывает в квантовый код. Вот, укладываетесь поудобнее, сейчас вы на несколько часов уснёте, а проснётесь уже готовым.

– Скажите, а как это работает? – ложась спросил я, – Я знаю, что квантовые компьютеры обрабатывают информацию в кубитах, а квантовая запутанность позволяет знать состояние запутанной частицы мгновенно, вне зависимости от расстояния. Но ведь состояние нельзя задать. А то есть нельзя и передать информацию. К тому же, человек на другой стороне не будет знать, это вы первым произвели измерение, или он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.